

**РОЛЬ
БАЛТИЙСКОГО ФАКТОРА
В ПОЛИТИЧЕСКИХ
ОТНОШЕНИЯХ РОССИИ
И ФРАНЦИИ**

*Л. А. Мальцев**

*Н. П. Таньшина***

Цель статьи — выявление роли балтийского фактора в российско-французских отношениях. При всей кажущейся удаленности директрисы двусторонних отношений от Балтийского региона была предпринята попытка проанализировать их динамику с учетом изменений в европейской политике в постнаполеоновский период. В основу исследования положены особенности взаимодействия российской монархии и существовавшего во Франции режима Июльской монархии (1830—1848) в контексте сложившейся Венской системы. Особую роль в этих отношениях сыграло польское восстание 1830—1831 гг. Монархическим режимам обоих государств было необходимо учитывать новые социальные явления, особенно выраженные во Франции. Уже после подавления восстания в польской части Российской империи камнем преткновения в российско-французских отношениях стало пребывание польских эмигрантов на территории Франции. В статье рассмотрены вопросы, связанные с деятельностью посла Франции в России П. де Баранта, а также изучены торгово-экономические интересы Франции и России в регионе Балтийского моря. Делается вывод, что специфика двусторонних отношений впоследствии проявилась в ходе Первой и Второй мировой войн, однако в настоящее время балтийский вопрос прежней актуальности не имеет.

* Балтийский федеральный университет им. И. Канта, 236041, Россия, Калининград, ул. А. Невского, 14.

** Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ, 119571, Россия, Москва, Просп. Вернадского, 84.

Поступила в редакцию 26.05.2016 г.

doi: 10.5922/2074-9848-2016-4-7

© Мальцев Л. А., Таньшина Н. П., 2016

Ключевые слова: Балтика, Балтийский регион, Польское восстание 1830 г., Июльская монархия, Кронштадт, П. де Барант, франко-российский трактат о торговле и мореплавании 1846 г.

Введение

Балтийский вопрос выдвинулся на авансцену в российско-французских отношениях после Венского конгресса. Комплекс проблем, связанных

как с возможностями укрепления позиций обеих стран в регионе Балтийского моря, так и со сложным клубком противоречий между европейскими странами, а также стремлением России и Франции заручиться потенциальным союзником в борьбе против общего врага, был актуализирован в XIX столетии в новом контексте. Зачатки балтийского вопроса можно усмотреть в международных отношениях посторденского времени, т. е. в XVI—XVII вв., когда регион стал полем соперничества различных держав, включая Россию. В начале XVIII в. балтийская проблема во франко-российских отношениях фигурировала в своей морской ипостаси, что обусловлено в первую очередь проявившимися амбициями России, ставшей в ходе петровских преобразований морской державой. Однако через полтора столетия балтийский фактор во взаимоотношениях двух стран предстал прежде всего сквозь призму польской проблемы. Польша была всегда важна как для России, так и для Франции, а польский вопрос зачастую был камнем преткновения в двусторонних отношениях.

Польский аспект российско-французских отношений

В 1807 г., по Тильзитскому миру, из польских территорий, отошедших во время Второго и Третьего разделов Речи Посполитой к Пруссии и Австрийской империи, Наполеоном I было создано Великое герцогство Варшавское, ставшее протекторатом наполеоновской Франции. Оно просуществовало до 1813 г., вплоть до его завоевания войсками Шестой антинаполеоновской коалиции. По решениям Венского конгресса большая часть герцогства была присоединена к Российской империи как автономное Царство Польское.

В очередной раз польский вопрос встал на повестку дня в 1830 г., когда, вслед за Июльской революцией во Франции, революционная волна захлестнула Европу, спровоцировав и антирусское восстание в Варшаве. События в Польше серьезно осложнили и без того напряженные франко-российские отношения: Николай I выступил убежденным противником Июльской революции, считая короля Луи Филиппа Орлеанского узурпатором трона, «похитившим» корону у малолетнего внука Карла X герцога Бордоского. Только после того как режим Июльской монархии признала Англия, Австрия, Пруссия и другие европейские страны, Николай I также был вынужден это сделать. Поскольку российский император на первых порах был воодушевлен идеей организации вооруженной интервенции во Францию с целью восстановления власти Карла X, широкие круги французского общества неоднократно выражали в своих печатных органах мысль, что восстание в Польше предотвратило возможность возникновения войны России с Францией, поскольку внимание Николая I в течение года было приковано к Варшаве; не покорив ее, нельзя было даже думать о движении на Запад.

Восстание в Польше стало серьезной внутривосточной проблемой и для самой Франции, традиционно поддерживавшей устремления

поляков к восстановлению национальной независимости. Несмотря на широкие антирусские и пропольские настроения французского общества, король Луи Филипп и поддерживающие его либералы-орлеанисты четко понимали, что Франция может быть вновь допущена в концерт великих держав, только если откажется от попыток насильственного распространения либеральных идей и ревизии Венской системы. Позиция короля Луи Филиппа и его правительства, возглавляемого банкиром Ж. Лаффитом, относительно Польского восстания была последовательной и заключалась в отказе от оказания помощи полякам вооруженными силами Франции. В польском вопросе тесно сходились интересы целостности Австрии, Пруссии и России. Европейские монархи, допустив пересмотр Венской системы в бельгийском вопросе, четко осознавали, что в решении польской проблемы сохранение статус-кво и общеевропейский мир — идеи неразделимые. Как справедливо отмечал отечественный исследователь В.В. Дегоев, в Париже и Лондоне это слишком хорошо понимали, чтобы «позволить чувству солидарности с поляками возобладать над чувством реализма» [2, с. 216].

Тринадцатого марта 1831 г. министерство Лаффита, тесно связанное с финансовыми кругами Франции и сочувствовавшее полякам, уступило место министерству Казимира Перье, который в полном согласии с королем категорически отказывался даже говорить об оказании Францией военной помощи полякам. Все это очень импонировало российскому кабинету. Еще в январе 1831 г. посол России во Франции корсиканец граф Ш.-А. Поццо ди Борго писал: «Расположение правительства относительно польских дел стало таким, какое мы только можем желать. Я получил все возможные заверения, что Франция не вмешается в польский вопрос ни под каким предлогом» [1, ф. 133, оп. 469, д. 197, л. 111]. Подчеркивая умеренность и осторожность правительства Казимира Перье, дипломат выражал уверенность, что «войны не случится в его министерство» [1, ф. 133, оп. 469, д. 198, л. 62].

Обращения поляков к французскому правительству за помощью выслушивались, на них отвечали сочувственно, но декларативно: в Париже понимали, что вооруженное участие в защите Польши чревато резкой дестабилизацией международных отношений и внутренней ситуации в самой Франции. Как отмечал Поццо ди Борго, Луи Филипп «никогда и ни под каким предлогом не вмешается в дела Польши» [1, ф. 133, оп. 469, д. 197, л. 105 об., 107 об.].

Польским патриотам удалось наладить тесные отношения со своими сторонниками во Франции, создавались различные общественные организации, комитеты, предпринимались попытки сбора средств в пользу восставших, впрочем безуспешные [1, ф. 133, оп. 469, д. 197, л. 419—419 об.; 5, с. 10].

В течение всего 1831 г. французы внимательно следили за ходом военных действий. Польский вопрос стал важным фактором внутривнутриполитической жизни страны, что не могло не учитывать правительство.

С начала сентября первые полосы газет отводятся статьям о событиях в Польше. Когда 16 сентября 1831 г. парижские газеты сообщили

о штурме Варшавы русскими войсками и о поражении поляков, в Париже в течение нескольких дней происходили антирусские народные манифестации, для усмирения которых потребовалось даже вмешательство войск. Люди из окружения Поццо ди Борго советовали ему покинуть Париж, но он решил остаться, тем самым сохранив дипломатические связи между Францией и Россией, ведь отъезд посла в таких условиях мог привести к их разрыву. Как отмечал современник событий, именно «умеренности и ловкости Поццо ди Борго мы обязаны сохранению отношений между двумя государствами» [9, р. 220].

Луи Филипп, движимый стремлением упрочить возглавляемый им режим, воздержался от вооруженного вмешательства в польские дела. Однако именно Франция стала основным центром польской эмиграции. Характерно, что рядовые поляки: солдаты, крестьяне, дворовые, попавшие за границу, большей частью осели в Галиции и Пруссии, остальные потянулись на Запад — в Швейцарию, Бельгию, Англию и, преимущественно, во Францию.

Если в самом начале 1830-х гг. наиболее сложной в двусторонних отношениях была проблема, связанная с восстанием в Польше и позицией Франции по этому вопросу, то в середине 1830-х камнем преткновения становится вопрос о пребывании польских эмигрантов на территории Франции. Деятельность польских эмигрантских обществ во Франции была объектом серьезного беспокойства и постоянных жалоб со стороны русского правительства. Вице-канцлер граф К.В. Нессельроде обвинял французское правительство в покровительстве польским эмигрантам, в частности князю А. Чарторыйскому.

Между тем французское правительство само было серьезно озабочено пребыванием поляков на территории Франции. Еще в ноябре 1831 г. правительство Казимира Перье, стремясь удалить беспокойный польский элемент из столицы, издало циркуляр, воспрещавший полякам въезд в Париж. В результате польские эмигранты были размещены сначала двумя большими, а затем несколькими десятками небольших групп в провинциальных французских городах, где были созданы «польские депо», а в Париже остались лишь наиболее состоятельные и, как правило, умеренные элементы эмиграции [5, с. 15].

Несмотря на то что французское правительство стремилось всячески ограничить деятельность польских эмигрантов легальными рамками, в России это считали явно недостаточным и полагали, что Франция изначально допустила просчет, предоставив приют полякам. В одном из разговоров с послом Франции в России в 1835—1841 гг. бароном Проспером де Барантом граф Нессельроде заметил, что Франция проявила больше недоброжелательности по отношению к России, нежели Россия к Франции, поскольку французское правительство приняло у себя поляков, в то время как император «никогда не принимал и не слушал карлистов (то есть легитимистов, сторонников возвращения на трон законного наследника престола герцога Бордоского. — *Л.М., Н.Т.*) и отклонял все их предложения». Действительно, Барант неоднократно сообщал о подобных демаршах российского императора. В частности, 4 мар-

та 1839 г. он докладывал тогдашнему главе правительства графу Луи Моле, что Николай I не принял прибывшего в Петербург с письмами от герцогини Беррийской французского легитимиста Пэра [4, с. 817].

В целом же осторожная и умеренная позиция французского правительства, занятая в вопросе о польской эмиграции, благосклонно воспринималась в России. В частности, 21 мая 1836 г. Барант сообщал Адольфу Тьеру, ставшему 22 февраля этого года главой кабинета и министром иностранных дел, что император был удовлетворен мерами французского правительства, направленными на пресечение организационного оформления польской эмиграции, однако не упускал случая напомнить о своем отношении к Польше и тем самым задеть посла [4, с. 908].

Николай I, уже с молодых ногтей, от своей воспитательницы англичанки Лайон, впитавший ненависть к полякам, воспринимал все, связанное с Польшей, очень болезненно. По словам Баранта, «Польша, вне всякого сомнения, Польша — это его самая большая забота...» [8, р. 386]. Восьмого сентября 1836 г. посол так отзывался о чувствах Николая Павловича: «Редко случается, чтобы победитель испытывал к побежденному злобу столь сильную и презрение столь высокомерное». По мнению дипломата, своей задачей император считал «превращение Польши в русскую провинцию и искоренение всяких воспоминаний о ее национальном духе... включая язык и религию». По свидетельству посла, Николай «часто повторял: "Это дело семи десятков лет, если действовать безостановочно..."» [4, с. 830].

Характерно, что самого Баранта поражали поляки, проживавшие в России, их весьма независимая манера поведения и резкость высказываний в адрес политики русского правительства. Он писал в «Заметках о России»: «Я всегда удивляюсь свободной манере общения всех поляков, особенно женщин. Свою ненависть к России они выражают совершенно свободно и безбоязненно» [7, р. 817]).

Россия, Франция и Балтийский регион

Барон де Барант, пробывший в России в качестве посла рекордный срок, оставил весьма интересные и важные наблюдения о российской политике и о нашей стране. Ценные замечания содержатся в его донесениях еще об одной компоненте балтийской проблематики, а именно о позициях России на Балтике. Посол неоднократно бывал с императором, обожавшим все связанное с военным делом, на маневрах в Красном Селе и в Кронштадте, форпосте России на Балтийском море. Император Николай очень гордился российским флотом, демонстрируя послу мощь российских военно-морских сил и не упуская возможности при всяком удобном случае задеть честолюбие Баранта, показав свое отношение к королю Луи Филиппу. Так, в середине июля 1836 г. посол присутствовал на организованном в Кронштадте смотре двадцати шести трехпалубных кораблей; здесь же был и император с семьей. Изучая список кораблей, Барант сразу обратил внимание на весьма характер-

ную деталь: большинство судов были названы в честь побед, одержанных русскими над французами. Император, видя, как внимательно посол читает список, подошел к нему и дружелюбно сказал: «Я думаю, вам еще сложно бегло читать по-русски, давайте-ка я вам помогу». Первым в списке значился корабль с гордым названием «Березина». Николай, как бы пытаясь сгладить впечатление, поспешил успокоить посла, заметив: «В ваших эскадрах есть "Аустерлиц" и "Фридрих"; все гордятся воспоминаниями о военной славе. Все это очень просто». «Это свойственно всем нациям, сир, — ответил Барант, — и мы также умеем почитать наши победы» [8, р. 364, 437—439].

В целом же дипломат, отмечая увеличение численности российского флота на Балтике, не считал это тревожным симптомом. По его мнению, в течение семи месяцев в году русский флот на Балтике был скован льдами и, соответственно, не мог представлять никакой угрозы. Кроме того, полагал Барант, в российском флоте не было профессиональных моряков, поскольку они рекрутировались из российской глубинки, не имея опыта навигации и морского дела. Единственное, считал он, корабли можно было использовать для быстрой транспортировки по Балтийскому морю российской армии в Европу [8, р. 335—336].

В 1845 г. балтийская проблема между двумя странами проявилась в своей экономической составляющей. Несмотря на сложные политические отношения между Россией и Францией, обе страны были заинтересованы во взаимной торговле. Россия экспортировала во Францию сельскохозяйственную продукцию: хлеб, лен, сало, льняное семя, овечью шерсть, а также пеньку, лес, медь, железо. Франция вывозила в Россию виноградное вино, шампанское, соль, фрукты, краски индиго, а также шелк, шелковые изделия, драгоценные камни. За 1827—1836 гг. Франция ежегодно в среднем импортировала из России товаров на 20 млн франков, а экспортировала в Россию своих товаров на 8 млн франков. В последующие годы торговля заметно увеличилась: за 1837—1846 гг. Франция ежегодно импортировала из России товаров на 35 млн франков, а экспортировала в Россию — на 13 млн франков [6, с. 61].

Российское правительство 19 июня 1845 г. обнародовало указ об установлении покровительственных пошлин в пользу русских судов в портах Балтийского и Северного морей. Эта мера была негативно воспринята коммерсантами французских средиземноморских городов. В частности, газета «La Patrie», выражавшая их интересы, называла этот указ «абсурдным» и рассматривала его как удар по французской торговле. Торговые палаты Руана и Бордо заявили, что французская морская торговля «находится в такой сложной ситуации, что сокращение отношений с Россией, несмотря на их второстепенную важность, заслуживает самого пристального внимания» [10].

Министр иностранных дел Франсуа Гизо немедленно объявил поверенному в делах России во Франции Н. Д. Киселеву, что этот указ заставляет французское правительство пойти на аналогичные меры и

установить для французских судов покровительственные пошлины на Средиземном море. Киселев выразил протест, однако французское правительство так и сделало. Однако Гизо выразил согласие с мнением Киселева о том, что наиболее целесообразным средством преодоления взаимных разногласий является заключение торгового договора между Францией и Россией.

В конце февраля 1845 г. были начаты переговоры, которые со стороны России вел Н. Д. Киселев, со стороны Франции — барон де Барант. Переговоры происходили очень медленно, поскольку обе стороны не желали отменять установленные ими покровительственные тарифы. В марте 1846 г. Гизо, после совещания с министрами торговли и финансов, сообщил Н. Д. Киселеву, что французское правительство считает невозможным отменить принятый в прошлом году закон о покровительственных пошлинах для французских судов в Средиземном море. Гизо предложил установить равные пошлины для судов, идущих из Балтийского моря, но оставить существующие с 1845 г. пошлины для судов, следующих в Черное море или выходящих из его портов. Переговоры чуть было не сошли на нет, поскольку Киселев заявил, что в таких обстоятельствах «нечего продолжать переговоры». В итоге русское правительство не согласилось с французскими требованиями о сохранении дифференцированных пошлин для французских и русских судов, но признало принцип взаимности в отношении судоходства и таможенных порядков. Кроме того, русское правительство приняло французские предложения, устанавливающие различия в пошлинах между портами Северного и Балтийского моря, с одной стороны, и Средиземного, Черного и Азовского морей — с другой. В августе 1846 г. Киселев получил окончательные инструкции от своего правительства, и 16 сентября 1846 г. трактат о торговле и мореплавании был подписан, а 20 октября ратифицирован. Основной принцип трактата сводился к тому, что порт отправления судна определял режим, которому оно подвергнется в порту прибытия. К тому же трактат устанавливал «полную взаимность», т. е. равенство режима для производителей с Севера и взаимное сохранение дифференцированных пошлин для производителей с Юга. Также русское правительство выражало надежду, что если в скором времени состоится подписание коммерческого договора между Россией и Францией, то оно будет согласно приостановить действие указа от 19 июня 1845 г. об установлении покровительственных пошлин в пользу русских судов в портах Балтийского моря [3, с. 202—205].

Заключение

С этого времени в отношениях между Францией и Россией наметилась тенденция к лучшему. Указом императора Николая I от 12 октября 1846 г. барон де Барант за активное участие в заключении русско-французского торгового договора был награжден орденом Александра Невского [1, ф. 187, оп. 524, д. 146, л. 142].

Таким образом, балтийский фактор являлся весомой составляющей российско-французских отношений на протяжении первой половины XIX столетия. Он не был доминирующим, но всегда оказывался важным в контексте ряда других внешнеполитических вопросов, связанных с общими европейскими проблемами, польским вопросом, а также в свете экономических и торговых отношений между Россией и Францией. Несмотря на то что балтийский фактор оставался значимым и в дальнейшем (в том числе в годы обеих мировых войн, когда Россия и Франция выступали союзницами, а регион Балтийского моря превратился в поле боевых действий), той роли, которую этот вопрос играл в первой половине XIX в., он больше не имел. В современных российско-французских отношениях этот фактор, по сути, не имеет особого значения — важнее более общая рамка взаимодействия России и Европейского союза, в который вступили основные государства Балтийского региона. Таким образом, балтийский вопрос как один из весомых факторов, обуславливавших развитие российско-французских отношений, похоже, ушел в прошлое.

Список литературы

1. *Архив* внешней политики Российской империи (АВПРИ).
2. *Дегоев В.В.* Внешняя политика России и международные системы: 1700—1918 гг. М. : МГИМО, 2004.
3. *Мартенс Ф.Ф.* Собрание трактатов и конвенций, заключенных Россией с иностранными державами. СПб. : Типография министерства путей сообщения, 1909. Т. 15.
4. *Мильчина В.А., Основат А.Л.* Комментарий к книге Астольфа де Кюстина «Россия в 1839 год». СПб. : Крига, 2008.
5. *Ратч В.Ф.* Польская эмиграция до и во время последнего мятежа 1831—1863 г. Вильна, 1866.
6. *Тарле Е.В.* Крымская война // Соч. : в 12 т. М. : Изд-во Академии наук, 1959. Т. 8.
7. *Barante P. de.* Notes sur la Russie. Paris : Michel Lévy frères, 1875.
8. *Barante P. de.* Souvenirs du baron de Barante. 1782—1866. Paris : Calmann Lévy, 1893. Т. 5.
9. *Capefigue J.-B.* Le gouvernement de juillet, les partis et les hommes politiques. 1830 à 1835. Bruxelles : L. Hauman et Cie, 1836. Т. 2.
10. *La Patrie.* Journal politique, commercial, littéraire, judiciaire. 1846. 25 mars.

Об авторах

Леонид Алексеевич Мальцев, доктор филологических наук, профессор кафедры исторического языкознания, зарубежной филологии и документоведения, Балтийский федеральный университет им. И. Канта, Россия.

E-mail: lamaltsev23@mail.ru

Наталья Петровна Таньшина, доктор исторических наук, профессор кафедры всеобщей истории отделения истории Института общественных наук, Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ, Россия.

E-mail: nata.tanshina@mail.ru

Для цитирования:

Мальцев Л. А., Таньшина Н. П. Роль балтийского фактора в политических отношениях России и Франции // Балтийский регион. 2016. Т. 8, №4. С. 104—113. doi: 10.5922/2074-9848-2016-4-7.

BALTIC FACTOR IN RUSSIA-FRANCE RELATIONS

L. Maltsev *

N. Tanshina **

* *Immanuel Kant Baltic Federal University,
14 A. Nevskogo ul., Kaliningrad, 236040, Russia.*

** *Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration
84 prospekt Vernadskogo, Moscow, 119571 Russia*

Submitted on May 26, 2016

The article aims to identify the role of the Baltic factor in Russia-France relations. Despite the fact that the Baltic Sea region (BSR) no longer plays an important role in Russia-France bilateral relations, the authors attach significance to analysing the dynamics and changes of the BSR role in European politics in the post-Napoleonic period. The authors compare the Russian and the July Monarchies (1830—1848) in the context of the current Vienna system of international relations. The article describes the role of the 1830—1831 uprising in Poland, which was an event of particular importance. The monarchies of the two countries had to take into account new social phenomena, which were more pronounced in France. After the suppression of the uprising in the Polish part of the Russian Empire, Polish emigrants residing in France became the stumbling block for the development of Russia-France relations. The article explores the role of P. de Barante, Ambassador of France to Russia and describes France and Russia's trade and economic interests in the Baltic Sea region. The authors conclude that the specificity of Russia-France bilateral relations became more apparent during the First and Second World Wars. However, the Baltic factor has lost its relevance over time.

Key words: Baltic, the Baltic Sea region, the Polish uprising of 1830, the July Monarchy, Kronstadt, P. de Barante, Franco-Russian Treaty of Commerce and Navigation.

References

1. *Архив внешней политики Российской империи* [Archive of foreign policy of the Russian Empire], F. 133, Op. 469, D. 197.

2. *Arhiv vneshnej politiki Rossijskoj imperii* [Archive of foreign policy of the Russian Empire], F. 133, Op. 469, D. 198.
3. *Arhiv vneshnej politiki Rossijskoj imperii* [Archive of foreign policy of the Russian Empire], F. 187, Op. 524, D. 146.
4. Degoev, V. V. *Vneshnyaya politika Rossii i mezhdunarodnye sistemy: 1700—1918 gg.* [Foreign policy of Russia and international systems: 1700—1918.], Moscow.
5. Martens, F. F. *Sobranie traktatov i konvencij, zaklyuchennyh Rossieyu s inostrannymi derzhavami* [Collection of the treaties and conventions concluded to Rossiiyey with foreign powers], T. 15, St. Petersburg.
6. Milchina, V. A., Ospovat, A. L. *Kommentarij k knige Astol'fa de Kyustina «Rossiya v 1839 god»* [The comment to Astolphe de Custin's book "Russia in 1839"], St. Petersburg.
7. Tatch, V. F. 1866, *Pol'skaya `emigraciya do i vo vremya poslednego myatezha 1831—1863 g. Vil'na* [The Polish emigration to and during the last mutiny 1831—1863 Mr. Vilna].
8. Terle, E. V. *Krymskaya vojna* [Crimean war], Moscow.
9. Barante, P. de. *Notes sur la Russie*, Paris, Michel Lévy frères.
10. Barante, P. de. *Souvenirs du baron de Barante. 1782—1866*, T. 5, Paris, Calmann Lévy.
11. Copefigue, J.-B. *Le gouvernement de juillet, les partis et les hommes politiques. 1830 à 1835*, T.2, Bruxelles, L. Hauman et Cie.
12. La Patrie, 1846, *Journal politique, commercial, littéraire, judiciaire*, 25 mars.

The authors

Prof. Leonid A. Maltsev, Immanuel Kant Baltic Federal University, Russia.
E-mail: lamaltsev23@mail.ru

Prof. Natalia P. Tanshina, the School of Public Policy, Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration, Russia.
E-mail: nata.tanshina@mail.ru

To cite this article:

Maltsev L. A. Tanshina N. P. 2016, Baltic Factor in Russia-France Relations, Balt. reg., Vol. 8, no. 4, p. 104—113. doi: 10.5922/2074-9848-2016-4-7.